

Literature:

1. Auwera Van der J. Modality's Semantic Map / Johan Van der Auwera, Vladimir Plungian // Linguistic typology – 1998. – 2 (1). – P. 79–124.
2. Bybee J.L. The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / Joan L. Bybee, Revere Perkins, William Pagliuca. – Chicago & L.: University of Chicago Press, 1994.
3. Coates J. The Semantics of the Modal Auxiliaries / Jennifer Coates. – L.: Croom Helm, 1983.
4. Goossens L. Modality and the Modals / Louis Goossens // Predicates and Terms in Functional Grammar [M. Bolkestein, C. De Groot, L. Mackenzie (eds.)]. – Dordrecht: Foris, 1985. – P. 203–217.
5. Haan de F. The Interaction of Modality and Negation: A Typological Study / F. de Haan // The Expression of Modality [Frawley W. (ed.)]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
6. Hengeveld K. Illocution, Mood and Modality in a Functional Grammar of Spanish / K. Hengeveld // Journal of Semantics. – 1988. – P. 227–69.
7. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar / R. W. Langacker // Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. I.
8. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar / R. W. Langacker // Descriptive Applications. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – Vol II.
9. Narrog H. Modality, Mood and Change of Modal Meanings: A New Perspective / H. Narrog // Cognitive Linguistics. – 2005. – 16(4). – P. 677–731.
10. Nuyt J. Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective / J. Nuyt. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. – 429 p.
11. Palmer F.R. Modality and the English modals / F.R. Palmer. – L.: Longman, 1979.
12. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture / Ann Wierzbicka. – Oxford: OUP, 2006. – 352 p.

Пантелеєва І. А.

*Донецкий национальный университет экономики и
торговли имени Михаила Туган-Барановского*

ПОЛИТИКА “ЯЗЫКОВОГО ИМПЕРАТИВА” АНТИЧНОСТИ КАК ОБРАЗЕЦ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Понятие “языковой императив” относительно недавно вошел в научный оборот, поскольку нашел свое активное применение лишь в XX веке. Являясь неотделимым элементом языковой политики, он зачастую обозначает любые меры, направленные на поддержку одного конкретного языка. На практике “языковой императив” не предстает как нововведение и “know-how” прошлого века. Преференции в сторону одного языка существовали уже давно, поскольку формирование языковой нормы всегда было приоритетным направлением в процессе формирования государственности с последующими попытками самоидентификации нации. “языковой императив” имел и имеет место там, где формирование языковой нормы происходит под влиянием административных мер. Культура Древней Греции, выступая парадигмой для последующего развития европейской культуры, наглядно демонстрирует пример так называемого “языкового императива” в процессе формирования единой языковой нормы.

Античная словесность предстает, таким образом, как образец, на который ориентируются и сейчас европейские культуры. А единство их языковых традиций определяют связь с системой и образами, сформулированными греко-латинскими учеными. Взаимодействие искусства речи с другими искусствами, а также знаковыми образованиями в коммуникации наложили отпечаток на форму и содержание языковых практик и их теоретическое описание в древней цивилизации. В рамках

греческой философии языка, а затем и грамматики разрабатывались пути регулирования языковой деятельности. Эти важнейшие достижения Античности послужили развитию мыслеобразующей и выразительной функций языка как социальной данности человечества.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что Античность всегда представляла интерес для исследователей, работающих в различных сферах (Аверинцев С. С., Асмус В. Ф., Бычко И. В., Верещагин Е. М., Гайденок П. П., Кессиди Ф. Х., Лосев А. Ф., Тронский И. М, и др.). Она настолько многоплановая, полна новшеств, при этом, настолько природна и естественна, что любое исследование проблем Античности наглядно демонстрирует гениальность эпохи, неповторимость и неизбежное влияние ее идей на дальнейшее развитие всего человечества. При многообразии работ, тем не менее, многие вопросы остаются за границами исследовательских интересов. Это объясняется многими факторами, во-первых, описание культурной парадигмы любого исторического периода требует четкого осознания всего имеющегося языкового материала данного времени. А, анализируя Античность, мы сталкиваемся с принципиальными трудностями, прежде всего неравномерным распределением во времени сохранных письменных памятников, их количество и типы. Во-вторых, естественной проблемой для древних языков является незафиксированность форм устной речи, которые могли бы точно дать объяснение многим культурным фактам. В этом случае исследователи реконструируют устные формы речи на основе различных косвенных фактов, что в свою очередь ведет к субъективизму в исследованиях. В-третьих, структурные изменения в языке развиваются постепенно, а, следовательно, заметны лишь на больших отрезках времени. Функциональная система греческого языка подверглась резким изменениям в столь короткие промежутки времени, что любые факты, имевшие место спустя 50-100 лет, должны интерпретироваться иначе.

Избегая спорных моментов в своих исследованиях, ученые оставляют в стороне многие проблемы, разрешение которых позволило бы пролить свет на интересные социальные феномены сегодняшнего дня, берущие начало далеко в Античности. Это, прежде всего, касается языковой политики, которая определила жизнь античного социума. Процесс формирования языковой нормы древнего мира, факторы, обуславливающие этот процесс, средства и меры, применяемые со стороны властей, – все это требует осмысления, поскольку способствует объяснению принципов функционирования ‘языкового императива’ еще на заре развития человечества. В связи с этим, цель и задача нашей статьи – проанализировать политику ‘языкового императива’ Древнего мира, показать, что в основу этой политики ложится принцип социальной дифференциации людей – принцип ‘варваризма’.

Научные результаты. Следует отметить, что культура Древнего мира, и языковая, в частности, сформировалась в ходе естественного развития языка. Языковые практики того времени ‘отчеканивались’ в ходе перфомансных баталлий, которые были широко распространены во времена Античности. Практически весь быт, вся социальная деятельность древнего человека была обусловлена языковой культурой, которая, в конце концов, вылилась в общепринятую теорию перфомансной декламации.

Перфомансная декламация прошла через четыре этапа своего развития: через уникальное единение природы с музыкальной формой напева – рецитации; через магический этап настроенности ‘музыкальной’ гармонии Космоса и поклонения ее

законам; через этап этический, этап распознавания этической природы музыкальных структур; и, наконец, через этап эстетический, когда музыкальное вдохновение обрело безграничную свободу выражения. И, в конечном счете, трансформировалась в теории в отдельную науку – риторику, а на практике, она исчезла.

Следует отметить, что на всех этапах своего развития она следовала всем изменениям в социальной “настроенности” публики. Публика и оратор-декламатор (как правило, влиятельный человек) были в единой музыкально – языковой гармонии, определяемой Космосом. Публика, улавливая малейшие недостатки в речи оратора, осуждала его. Оратор, в свою очередь, чтобы избежать осуждения публики четко выстраивал свою речь, избегая чужеродных элементов. Таким образом, процесс формирования языковых правил декламации, в частности, а затем и всей языковой нормы Античности был четко контролируемый правилами естественного развития языка, а гарантом в этом процессе выступала публика.

Все чуждое культуре, а именно древнегреческому языку, называлось “варваризмом”. Именно древние греки были первыми, кто сумели четко обозначить свою национальную идентификацию на языковом уровне. Они сформулировали “языково-культурный” принцип самоидентификации: всякий, кто говорит по-гречески, – эллин, всякий, кто говорит на ином языке и придерживается других обычаев, – варвар. Этот принцип четко соблюдался на всех уровнях, изолируя древнегреческий язык от интерференций, которые могли бы нарушать музыкальную основу декламации из-за несовпадений в ударениях.

Интересен тот факт, что согласно историческим сведениям, культура древней Греции в определенной степени сформировалась под влиянием идей прогрессивных в то время государств. Но заслугой древних греков можно считать удачную трансформацию всех этих идей через призму своих национальных ценностей. Они сумели переложить правила древнегреческого языка на ноты (интонационные мелодии) и лады заимствованных языковых практик. В своем стремлении к абстрагированию от других культур, к созданию “правильного” языка, к избежанию “варваризмов”, они со временем стали считать варварским даже латинский язык (например, Секст Эмпирик). Хотя первоначально варварскими назывались лишь народы, не затронутые грекоримской культурой и политической экспансией.

“Языковой императив” того времени был всецело поддержан как “сверху”, так и “снизу”. Идеологическая и националистическая окраска языковой политики возводила греков в ранг особых людей. Дух патриотизма шел плечо к плечу с самым откровенным и низменным шовинизмом¹. Настолько сильно было в то время смысловое наполнение понятия “варваризмы”, что в последствии оно не утратило своего отрицательного значения, напротив, больше приобрело негативный смысл, став обозначать любое действие, направленное против культурных ценностей человечества. “Языковой императив” не представлял собой административные меры против своего населения, он объединял народы Древней Греции, говорящих на разных диалектах, тем самым естественным путем формировал единый язык и единую языковую норму. Он “выходил” за пределы полиса, заставлял всех принимать греков как представителей сильной власти. Принцип “варваризма” был конвенционален, тем самым он “освобождал” языковую норму от теоретического объяснения и фиксации в

¹ В этой связи Секст Эмпирик отмечает: “Ведь проводящий такое различие: “из людей одни греки, а другие – варвары” – высказывает мысль, равную положению: “если существуют некоторые люди, то они суть или греки или варвары” [5, 8].

научной литературе. Это был своеобразный всеобщий “порыв” против всего “чужого”.

Экстралингвистические факторы также косвенно благоприятствовали политике “языкового императива” в виде социальной страфикации по языковому принципу и, тем самым, формированию единой языковой нормы. Во-первых, появление столь “модных” в то время идей панэллинизма, которые были поддержаны греческой философией, выдвинувшей идеи космополитизма. Последний должен был достигаться всеми возможными средствами, среди которых рассматривался также вариант “всеобщего” греческого языка, а именно его “узаконенная” единая норма. Причем данная норма предлагалась со стороны наиболее значимой в социальном плане прослойки – политиками, философами, риториками, поэтами, всеми теми, кто выражал интересы полисной элиты, состоятельной и знатной верхушки греческого общества. Во-вторых, со временем из-за большой политической экспансии и увеличения “окультуренных” народов греческий язык подвергается интерференциям других языков и диалектов. На захваченных территориях не было “победного шествия” греческой культуры, напротив, было сознательное ее насаждение. Власти проводили сверху культурную и языковую политику, которой сопротивлялось местное население. Необходимость в формировании единой языковой нормы заставляют власти уже в III в. до н. э. принимать меры по консолидации населения новых городов. Установление контактов с местным населением (с его косвенной эллинизацией в той или иной степени) а, самое главное, постоянных отношений между отдельными центрами эллинской культуры позволило появиться возможности регулирования языковой нормы. В качестве эталона единой языковой нормы должен был использоваться уже сложившийся престижный вариант греческого языка. Им стал аттический диалект, но не новый его вариант, общепринятый и одобренный публикой, а консервативный вариант аттического диалекта с ориентацией на каноны “древних”. Атттицизм развивается благодаря усилиям философов, риториков, писателей, которые прошли афинскую школу и пишут на том варианте греческого языка, который обращен к образованным кругам.

Данная ориентация приводит к тому, что “языковой императив” меняет свой вектор с внешнего на внутренний. Декламация ломает свои правила, изменяя декламационную парадигму, “отработанную” веками. Декламация в определенной степени начинает выполнять другую социальную функцию. Она становится “элитарным” искусством, как правило, для развлечения богатых сословий. Эстетическая связь между публикой и оратором теряется. И как результат, публика и ораторы не разделяют общего желания понимать друг друга, а, следовательно, не понимают и не поддерживают языковую норму.

В это время, с одной стороны, происходит принудительная имплементация разработанного теоретически “единого” языка, а, с другой стороны, продолжают на практике развиваться диалектальные формы древнегреческого и других языков, завоеванных народов, начинается процесс формирования национальных языков. Чем больше язык находит свое теоретическое объяснение и трактование, основываясь на классические каноны, тем больше происходит разрыв между научным и бытовым языками. Как отмечает Тронский И. М.: “Архаическое течение в греческой культуре... владычества, получило непосредственное отражение и в литературе. Его результатом было торжество аттицизма, ориентации на язык и стиль аттической прозы... Атттицизм прежде всего знаменовал реформу литературного языка... В этом отношении аттицизм создавал пропасть между письменным языком, которому нужно

было учиться у аттических авторов, и языком живой речи, омертвлял всю языковую систему. Литература верхов окончательно рвала с народом” [3, 240]. Победа аттицизма запечатлелась на всей дальнейшей истории греческого и других европейских языков. Дуализм письменной аттической и живой речи так и не был преодолен. Перфомансная декламация как общественный гарант правильности естественного языка теряет свою силу и исчезает. Появляется новая, теоретически-обоснованная наука – риторика, которая все чаще и чаще допускает использование “варваризмов” для украшения речи.

При этом наблюдается еще одно явление, связанное с социолингвистической проблематикой. Речь идет о наличии социальной семантики диалектов, проявившийся в противопоставлении двух типов эллинистической языковой дифференциации. Понятие “варваризм” начинает применяться по отношению и к своим гражданам, все чаще и чаще встречается противопоставление “эллинизм-варваризм”. В таком случае “варваризм” понимается как просторечие: речь низов, речь людей, у которых нет ни славы, ни богатства. Тем самым, уникальность “языкового императива” Античности – применимость его к представителям, говорящем на другом, не греческом, языке – утратилась.

Античность как колыбель европейской культуры продемонстрировала много наглядных примеров путей дальнейшего развития социума. Она выступила тем образцом, который так и не мог быть отвергнут никем даже после падения такой великой империи.

Выводы. Культура Античности характеризуется рядом особенностей, среди которых можно назвать принцип “языкового императива” как один из образцов формирования языковой нормы Античности. Древние греки впервые провели, так называемую, самоидентификацию нации, применяя принцип “варваризма” лишь к тем, кто не говорил по-гречески или говорил неправильно. В данном порыве все были одинаково равны, что, в свою очередь, указывает на сформировавшуюся ментальность древних греков в сторону своей уникальности, именно на языковом уровне. Многие факторы способствуют созданию единой языковой нормы, предлагаемой греческой элитой, которые использовали в своих произведениях староаттический вариант греческого языка. Население греческих полисов, говорящее в основном на новоаттиченском диалекте, отказывается принимать ново “предложенную” языковую норму. Тем самым, утрачивается языковое единство и проводится внутренняя социальная дифференциация: кто говорит правильно – эллин, кто говорит иначе – варвар. С данным принципом возникает языковая страфикация общества, что в свою очередь, влияет на распад единой нации.

Приоритетным направлением в разработке данной темы может быть исследования основ и особенностей перфомансных практик, базирующихся на принципах “языкового императива”.

Л и т е р а т у р а :

1. Гаспаров М. Л. Литература европейской античности / М. Л. Гаспаров // История всемирной литературы. Соч. в 9-ти т. – М., 1983. – Т.1. – С. 306-312.
2. Славятинская М. Н. Древнегреческий язык как функциональная система (некоторые проблемы описания греческой языковой ситуации) / М. Н. Славятинская // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. – 1987. – Вып. IX. – С. 5-23.
3. Тронский И. М. История античной литературы / И. М. Тронский // Серия “Школа классической филологии”. – М.: Изд. УРСС, 2005. – 464 с.

4. Фролов, Э. Д. Греция в эпоху классики (Общество. Личность. Власть) / Э. Д. Фролов. – СПб.: Издательский Центр “Гуманитарная Академия”, 2001. – 602 с.
5. Эмпирик, Секст, Сочинения в двух томах // Секст Эмпирик; пер. с. древнегреч. – Т. 2. – М.: Мысль, 1976. – 421 с.

Строгонова О. Л.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблема личности – одна из основных проблем в истории философии. При всем многообразии подходов к изучению проблемы личности именно многомерность признается ее сущностью. Будучи высшей ступенью иерархического рассмотрения человека, понятие личности вместе с тем более конкретно и более содержательно, чем понятие человека вообще. В понятии человека подчеркивается его биосоциальное начало, а в понятии личности оттеняются прежде всего интегративные социально-психологические особенности человека. Однако и противопоставлять эти понятия нельзя, любой человек является той или иной личностью. Самосознание и самооценка в совокупности образуют тот основной стержень личности, вокруг которого складывается неповторимый по богатству и разнообразию тончайших оттенков уникальный “узор” личности, присущая только ей специфика. Личность – отдельный человек, характеризуемый со стороны его целостности, осознанно-волевых проявлений. Первоначально слово “личность” – (лат. – *persona*) означало маску, роль, исполнявшуюся актером в античном театре. В отличие от понятия индивида, которое определяется как обособление в рамках единства, смысловое поле понятия личности – это проявление внутреннего во внешнем. Смысл понятия личности раскрывается через понятие свободы, ответственности, поступка как действия сообразно свободно принятому решению, самосознания и саморазвития. Действия личностного характера есть фактор саморегуляции общественного организма.

В разных науках личность трактуется и исследуется по-разному.

Личность в философии исследуется со стороны содержательных процедур самоинтеграции – поиска смысла жизни, осмысления собственной судьбы, размышлений о жизни и смерти и способности к преднамеренным свободным поведенческим актам – поступкам.

Личность в социологии исследуется в качестве продукта социальных взаимосвязей и субъекта социальной активности.

В социальной психологии личность рассматривается со стороны ее взаимоотношений с социальной группой. Важнейшая особенность личности – умение избегать отождествления как определенной целостности с конкретными формами своего социального поведения, умение “быть” и “казаться”. Мобильность личности, умение менять стиль поведения, отделять себя от своих поступков, чутко реагировать на меняющиеся социальные требования – есть важный элемент регулирования социальных взаимодействий.

Особенно интересным представляется ролевая концепция личности, исследуемая Т. Парсонсом, М. Вебером в социологии, Дж. Мидом, М. Куном, Ч. Кули в социальной